

— Мы с ним чисты, как горный хрусталь!

Сказав это, он поспешно припустил вперед. Мо Чэнь в недоумении поднял голову к небу: разве он только что говорил о том, кто с кем нечист? Разве? К тому же, Мо Сяобай, ты бежишь, закрыв глаза руками, не боишься во что-нибудь врезаться?

Мо Чэнь чувствовал, что этот мир сошел с ума: между этими двумя определенно что-то происходит! Интуиция подсказывала: упущенный фрагмент сюжета обещает быть захватывающим. Столько лет он был меж двух огней, как же он мог пропустить такое!

Мо Чэнь сжал кулаки, твердо решив во всем разобраться.

Е Вэй, едва переступив порог, сразу позвонила Ши И. Как только та ответила, Е Вэй возбужденно затараторила:

— Ши И, угадай, что я только что видела? Сцена — просто бомба! Сядь поудобнее, чтобы не упасть!

Ши И удивилась:

— Вэйвэй, что ты видела?

— Ши И, готовься принимать подарки на помолвку! — Е Вэй с гордостью заявила: — Мой сын прижал твоего!

— Что? — Ши И растерялась. — О чем ты?

— Ты тоже не ожидала, правда? Ши И, дети вырастают — матери не указ. Старший обычно такой холодный и властный, а как встретил Мо Сяобая, так сразу обмяк и позволил себя прижать! Эх, а я-то думала, что Мо Сяобай выгодно продается, а он оказался убыточным товаром! Придется мне еще и приданое ему готовить. Ши И, ты тоже поторопись с приданым для Мо Яо!

Ши И окончательно запуталась и робко спросила:

— Вэйвэй, ты ничего не выпила?

— Да ты мне не веришь? Мо Сяобай действительно прижал старшего! Я собственными глазами видела! — Е Вэй заметила, как Мо Сяобай пробегает мимо, закрыв лицо руками, и бросила напоследок: — Мо Сяобай опять чудит, все, отключаюсь!

Ши И ошеломленно опустила трубку. Судя по словам Вэйвэй, неужели старший... и правда оказался под Мо Сяобаем? Она потеряла лоб, не зная, радоваться этому или гореть.

Вечером Мо Чэнь и Мо Сяобай вернулись в общежитие совершенно измотанными. И без того интенсивные тренировки по подготовке убийц стали еще жестче после наказания Е Вэй — нагрузка увеличилась вчетверо. Теперь у них не было сил даже идти, они ковыляли в корпус, едва переставляя ноги.

На светло-зеленом конверте аккуратным, изящным почерком было выведено: Мо Яо. Глядя на эти буквы, невольно представляешь себе нежную, чистую и возвышенную девушку.

Мо Сяобай долго смотрел на надпись, задумался и спрятал письмо обратно. Это предназначалось старшему, и если он вскроет его без спроса, тот наверняка рассердится.

На кровати лежало аккуратно сложенное одеяло. Мо Сяобай прилег, перевернулся и заметил спрятанный в углу большой пакет с печеньем. Он разорвал упаковку и сунул одно в рот.

Это печенье Мо Яо после пробуждения специально заказал Юню, чтобы тот купил его в Мюнхене. Юнь лично контролировал каждый этап — от выбора ингредиентов до выпечки — и всё записывал. Рассыпчатое, ароматное и сладкое — Мо Сяобаю показалось, что оно гораздо вкуснее того, что давала ему курсантка в прошлый раз.

Однако он съел всего два кусочка и отложил пакет. На душе было беспокойно, и он снова вытащил конверт из кармана брюк. Края были тщательно заклеены. Мо Сяобай пощупал его, сжал посильнее и надул губы.

Твердый. Что там внутри?

Неужели маленькая бомба? Мо Сяобая осенило: подбрасывать врагам взрывчатку — обычное дело в их обучении. Письмо хоть и небольшое, но исключать риск нельзя! Раз это для старшего, он обязан всё проверить!

Мо Сяобай облегченно выдохнул, доел остатки печенья и с довольным видом принялся аккуратно вскрывать конверт.

Как только он распечатал его, Мо Чэнь поднялся с кровати. Мо Сяобай поспешно сунул письмо под зад и суетливо спросил:

— Братик, ты куда?

Мо Чэнь подозрительно посмотрел на него:

— В туалет. А ты что делаешь?

— Ни... ничего, — Мо Сяобай проглотил кусок печенья. — Хе-хе, печенье, которое прислал старший, очень вкусное!

Мо Чэнь сглотнул слюну, подошел к кровати брата и заискивающе улыбнулся:

— Сяобай, как я к тебе обычно отношусь?

Мо Сяобай подумал немного и гордо ответил:

— Сойдет. Кроме старшего, ты единственный, кто ко мне неплохо относится. Почти не бил, часто играл со мной. Если не считать...

— Если не считать чего? — Мо Чэнь присел на корточки у кровати и напряженно спросил.

— Того, что ты иногда надо мной подшучиваешь, в остальном всё отлично.

Мо Чэнь неловко рассмеялся:

— Сяобай, ты мой младший брат, я подшучиваю над тобой только потому, что люблю тебя!

У Мо Сяобая по коже побежали мурашки, и он рявкнул:

— Мне не нужна твоя любовь!

Мо Чэнь понял, что его слова прозвучали двусмысленно, и поспешил оправдаться:

— Сяобай, не пойми неправильно, моя любовь совсем не такая, как у старшего!

Мо Сяобай отвернулся и замолчал. Мо Чэнь поспешно сменил тему:

— Сяобай, раз я к тебе так хорошо отношусь, давай обсудим одно дело. Ты ведь согласишься, правда?

Мо Сяобай покосился на него:

— Говори, я подумаю.

— Хе-хе, Сяобай, я не наелся за ужином...

Не успел он закончить, как Мо Сяобай бросился к печенье, обхватил его, как величайшее сокровище, и с подозрением уставился на брата:

— Братик, это прислал мне старший! Даже не думай о чем-то нехорошем!

— Кто тут думает о нехорошем! — взревел Мо Чэнь. — Мо Сяобай, это всего лишь печенье, зачем так охранять? Я что, не пробовал? Неужели я стану воровать у тебя?

— Кто знает! — пробормотал Мо Сяобай. — Вкус у этого печенья слишком соблазнительный, легко на преступление толкнуть. Братик, я охраняю его ради твоего же блага, чтобы ты не совершил ничего постыдного и не запятнал свой светлый образ!

Мо Чэнь съязвил:

— Тот, кто прислал печенье, тоже весьма соблазнителен, но я не видел, чтобы ты так его охранял. Наоборот, прогнал так далеко, аж до самого Рима!

— Хм! Он сам ушел! — Мо Сяобай гордо обнял печенье.

Мо Чэнь скривился, его взгляд упал на конверт, который Мо Сяобай прижал под собой.

— Мо Сяобай, тебе снова прислали любовное письмо?

Мо Чэнь потянулся, чтобы вытащить конверт, но, едва увидев букву Мо, тут же выхватил его из рук Мо Сяобая:

— Братик! Только что говорил о светлом образе, а теперь чужие вещи крадешь?

Мо Сяобай спрятал конверт в камуфляж и прижал к груди вместе с печеньем. Мо Чэнь удивился:

— Мо Сяобай, разве я не читал тебе все письма, которые ты получал раньше? Почему теперь ты прячешь их, как зеницу ока?

— Братик, это письмо адресовано мне, это моя личная жизнь, как ты можешь его читать? Невежливо!

Мо Чэнь закатил глаза. С тех пор как приезжал старший, поведение Мо Сяобая стало слишком странным. Теперь он рассуждает о личной жизни? Есть ли что-то, чего он не знает? Даже о любви старшего к Мо Сяобаю он в курсе, а тут всего лишь любовное письмо — не больно-то и хотелось!

— Ладно, Мо Сяобай, время тренировки, пошли вниз! — Мо Чэнь еще раз взглянул на конверт, чувствуя, что что-то не так: если Мо Сяобай так его охраняет, неужели... он правда запал на того, кто его прислал?

Старший, ну зачем ты уехал! Из-за твоего отъезда у тебя появилось столько соперников! Он про себя решил, что обязательно разгонит всех, кто заглядывается на Мо Сяобая.

Когда они вернулись с тренировки, была уже глубокая ночь. Сил не было даже на душ, они повалились спать. Перед сном Мо Сяобай еще раз сонно повертел конверт, но в темноте ничего не разобрал и спрятал его обратно.

На следующий день в полдень Ши И вызвала Мо Чэня обсудить выпускные дела. Мо Сяобай понял, что это его шанс. Как только Мо Чэнь вышел, он вскрыл конверт.

Прочитав начало, он пришел в такую ярость, что чуть не разорвал бумагу:

— Братик Яо? Тьфу! Такая милая на вид девушка, а такая распущенная! Он тебе не братик Яо!

Мо Сяобай, сдерживаясь, прочитал еще несколько строк.

Девушка писала, что впервые увидела Мо Яо на тренировочном плацу. Среди толпы она сразу выделила его — издали не разглядеть лица, но его военная выправка отличалась от других. Он казался невероятно статным и красивым, в нем чувствовалась скрытая решимость и холодная сила. Ей хватило одного взгляда, чтобы навсегда потерять покой.

С тех пор каждый раз, когда звучал свисток, она была счастлива — первой выбегала из казармы. На тренировках она не чувствовала усталости, а в душе молилась, чтобы время остановилось и она могла побыть рядом с Мо Яо чуть дольше.

Они стояли под одним небом, делали одно дело, и она считала это самым счастливым моментом в своей жизни...

Мо Сяобай не выдержал. Пальцы побелели, тонкий лист бумаги пошел складками. Его тошнило от каждого слова — какая мерзость! Какая гадость! Такая миловидная девушка, а пишет такие тошнотворные вещи!

Старший такой наивный, если он прочтет это полное страсти письмо, вдруг тронется и попадет на удочку?

Письмо нельзя показывать старшему!

Мо Сяобай решил, что обязан защитить его и не дать попасть в ловушку.

С громким шорохом бумага была разорвана пополам, скомкана и с силой брошена в мусорное ведро.

Мо Сяобай сердито повалился на кровать. Чем больше он думал, тем больше злился: как можно быть такой бесстыдной? Посметь заглядываться на его старшего!

Он вскочил, подбежал к корзине, выудил обрывки и принялся рвать их дальше, скрежеща зубами:

— Писать она вздумала! Сердечко еще из бумаги сложила! Тьфу! Даже если ты вырвешь свое сердце и отдашь ему, старший на тебя не посмотрит! Хм! Старший тебя не полюбит!

Бедное письмо превратилось в конфетти, но Мо Сяобаю этого было мало — словно этот клочок бумаги был его заклятым врагом, которого нужно стереть в порошок.

Мо Чэнь открыл дверь и увидел, как Мо Сяобай, словно ведьма, колдует над мусорным ведром, бормоча что-то под нос, будто собираясь поджечь его магией. Поведение более чем странное.

Мо Чэнь подошел:

— Мо Сяобай? Ты чего бесишься? Чем тебе ведро не угодило?

Он хотел заглянуть внутрь, но Мо Сяобай подхватил ведро и вскочил:

— Ничего! Я иду выносить мусор! — не договорив, он вылетел из комнаты.

Зачем выносить мусор, бережно прижимая к груди целую корзину? Мо Чэнь смотрел ему вслед, чувствуя, что всё становится только хуже: раньше Мо Сяобай был просто беззаботным, а после отъезда старшего стал каким-то помешанным. Так и до психиатрии недалеко.

Он решил, что пора доложить старшему о состоянии Мо Сяобая.

Рим, замок семьи Мо.

Мо Яо был по горло завален делами. Он только принял управление мафией, еще не вошел в курс дела, а Мо Е и Мо Цзюэ уехали на Карибы, оставив всё на него одного. Даже если бы у него было три головы и шесть рук, он бы не справился.

Тук-тук-тук. Раздался стук, и вошла женщина с фиолетовыми глазами и грациозной походкой, держа в руках кофе:

— Старший, ты опять не спал всю ночь?

Мо Яо даже не поднял головы, только хмыкнул в ответ.

Мо Ушуан поставила кофе на стол и, закинув ногу на ногу, села на диван:

— Старший, если ты так продолжишь, ты угробишь здоровье! Вызови лучше Мо Чэня обратно!

— Не нужно. Я волнуюсь, оставляя Сяобая там одного.

Ушуан потерла висок:

— Старший, наши мамы обе в тренировочном лагере, о чем тебе волноваться? К тому же, Мо Сяобай только с нами придушивается, а снаружи он хитрее лисы. Если кто его обидит, он до

седьмого колена всех достанет!

На губах Мо Яо мелькнула мягкая улыбка. Он откинулся на спинку кресла, поднял руку и потер переносицу, устало закрыв глаза.

Ушуан, заметив, что старший впервые выглядит таким изможденным, помедлила и сказала:

— Старший, Мо Чэнь только что звонил...

Мо Яо резко открыл глаза:

— Что-то случилось?

— Старший, успокойся! Что может случиться? — Ушуан подошла к нему. — Просто этот маленький мерзавец в последнее время ведет себя странно, не знаю, что на него нашло!

Мо Яо нахмурился. Он навещал Мо Сяобая пару дней назад, тогда всё было в порядке. Неужели за неделю что-то стряслось?

Этот маленький негодник совсем не дает покоя!

Мо Яо собрался встать, но Ушуан усадила его обратно:

— Старший, ты с самого возвращения с Ближнего Востока не спал. Если поедешь туда снова, твой железный организм сломается!

Мо Яо отстранил ее руку:

— Пустяки!

Ушуан, видя, что он настаивает, сделала еще несколько шагов за ним:

— Старший, не ездь. Мо Чэнь сказал, что Мо Сяобай стал странным после твоего отъезда. Давай лучше я съезжу вместо тебя!

Мо Яо замер. Помолчав, он кивнул и вернулся за стол.

— Старший, на самом деле... — Ушуан почувствовала, что ее слова могли ранить его, и хотела утешить, но Мо Яо остановил ее.

— Выходи. Передай текущие задачи Фэну, а сама отправляйся на Ближний Восток, проведай его!

Мо Яо снова уткнулся в документы. Ушуан закусил губу. Уже у двери она услышала голос старшего:

— Зайди к Юню, возьми еще печенья, отвези ему.

— Хорошо, — Ушуан обернулась. — Старший, на самом деле... Сяобай, возможно, тоже очень по тебе скучает.

Мо Яо не ответил. Ушуан вздохнула и вышла из кабинета.

Дверь тихо закрылась. Мо Яо долго смотрел на строчку в документе, прежде чем поднять голову и медленно подойти к окну.

Вокруг замка расстилались широкие изумрудные лужайки. Полуденное солнце заливало их золотом.

Мо Яо смотрел на зелень, и в памяти всплыли детские годы. На траве трехлетний малыш полз по спине шести-семилетнего ребенка, пухлыми щеками терся о его шею и, надув губы, лепетал:

— Братик, братик, быстрее, беги быстрее!

Маленькие пальчики крепко обнимали его за шею, горячее дыхание обжигало кожу, а слюнки, которые малыш вытирал о его плечо, вызывали зуд.

Внезапно золотое солнце скрылось за черными тучами. Младенец вырос и превратился в красивого юношу, который с ненавистью смотрел на него и обвинял:

— Почему ты полюбил меня? Почему ты такой извращенец, что влюбился в собственного брата? Почему приносишь мне страдания? Зачем ты это делаешь? Как мне теперь смотреть в глаза брату, который баловал меня больше десяти лет!

Мужчина в мучении обхватил голову руками. Его крики, полные отчаяния и беспомощности, как острые шипы, пригвоздили брата к кресту вины, лишая дара речи.

Черные тучи закрыли небо.

Тело Мо Яо слегка качнулось, он ухватился за раму окна и часто заморгал. За окном все та же тихая лужайка, никаких бегающих детей, никакого полного ненависти мужчины.

Все по-прежнему.

Он тяжело вздохнул.

Хорошо. Его Сяобай на Ближнем Востоке. Скучает он или нет — неважно, лишь бы не ненавидел.

Мо Яо смотрел на траву, и на его губах появилась бледная улыбка.

Сяобай, ты когда-нибудь... ненавидел меня?

Ушуан прибыла на Ближний Восток на следующий день под вечер. Члены семьи Мо все были как на подбор, к тому же прошли обучение в лагере, поэтому охрана, увидев фиолетовые глаза Ушуан, сразу пропустила ее.

Мо Сяобай как раз закончил шестичасовую тренировку в джунглях и теперь что-то серьезно обсуждал с невысоким курсантом. Ушуан подошла и щелкнула его по затылку:

— Мо Сяобай, чем занимаешься? Почему не с Мо Чэнем?

Мо Сяобай обернулся и просиял:

— Сестренка, ты чего приехала? Соскучилась по своему милому братику и решила навестить?

— Именно, кое-кто по тебе соскучился! — Ушуан сунула ему в руки сверток и, подперев подбородок, окинула его оценивающим взглядом.

Мо Сяобай поежился, прижимая сверток к себе, и невинно посмотрел на нее:

— Сестренка, чего ты так плотоядно на меня смотришь? Я, конечно, очень красив, но я же твой родной брат! Не смей даже думать о чем-то недозволенном!

Ушуан игриво улыбнулась:

— Значит, если бы не был родным, было бы можно?

Мо Сяобай замер, обняв себя за плечи, и отвернулся. Он всегда был красноречив, и только Мо Чэнь с Ушуан знали, как заставить его замолчать.

Ушуан снова осмотрела его с ног до головы:

— Эх, Мо Сяобай, кроме того, что ты неплохо выглядишь, я не вижу в тебе ничего такого, что могло бы... эх!

В этом мире всегда найдется дурак, который хранит верность бессердечному мерзавцу.

Мо Сяобай потрогал свои щечки:

— Сестренка, я хорош собой! Я — самое прекрасное существо на Земле! Не комплексуй, по сравнению с обычными людьми ты тоже ничего!

Ушуан закатила глаза. Мо Сяобай гордо развернул сверток, ожидая вкусностей, но, увидев содержимое, замер и спросил:

— Старший же только пару дней назад присылал, зачем ты привезла еще столько печенья?

— Старший занят, в ближайшее время приехать не сможет, попросил передать.

— Оу, — Мо Сяобай поник. Ушуан наблюдала за его лицом: он расстроился всего на секунду, а потом возбужденно схватил ее за руку: — Сестренка, скажу тебе по секрету: в этом мире правда есть ведьмы! Правда-правда!

<http://bllate.org/book/22270/2331513>